

Павел ТИХОМИРОВ

ПОСЛЕДНИЕ КАМЕРНОГО ТЕАТРА

Камерный театр, существовавший в Москве 35 лет, возглавляемый своим основателем Александром Таировым, с главными актерами Алисой Коонен и Николаем Церетелли, с великими художниками, братьями В. и Г. Стенбергами, А. Экстер, Г. Якуловым, П. Кузнецовым и др. до сих пор выглядит каким-то недолюбленным. О нем пишут, на нем защищают диссертации, но место его в истории русского театра все еще ощущается зыбким.

В последние годы вышли четыре книги о Камерном театре: воспоминания Юлия Хмельницкого «Из записок актера таировского театра» (2004); книга из серии ЖЗЛ «Таиров» (2009), написанная, что удивительно, режиссером о режиссере – Михаилом Левитиным, художественным руководителем театра «Эрмитаж»; книга «Таиров. Европа и Америка. Зарубежные гастроли Московского Камерного театра. 1923–1930» (2010) театрального критика и исследователя Светланы Сбоевой и книга Арье Элкана «Александр – Алиса – Камерный театр» (2009). И каждая по-своему заполняет «белые пятна» в истории Камерного театра.

Однако с каждым годом остается все меньше очевидцев этого явления под названием «Камерный театр», а тех, кто непосредственно играл на сцене театра или учился в его студиях, и того меньше. А через Камерный, позорно закрытый в 1949 году, прошли очень многие. В разные годы здесь играли Фаина Раневская, Михаил Жаров, Павел Гайдебуров, Владимир Кенигсон, Николай Чаплыгин, Елена Уварова, Юлий Хмельницкий, Георгий Яниковский, Петр Аржанов, Варвара Беленькая, Виктор Ганшин, Людмила Врублевская, Николай Новлянский, Иван Александров, Августа Миклашевская, Анна Никритина, Мария Подгурская, Всеволод Сафонов...

В 2004 году в Доме актера им. А.А. Яблочниковой я делал вечер «Однокамерники», посвященный 90-летию Камерного театра. В финале

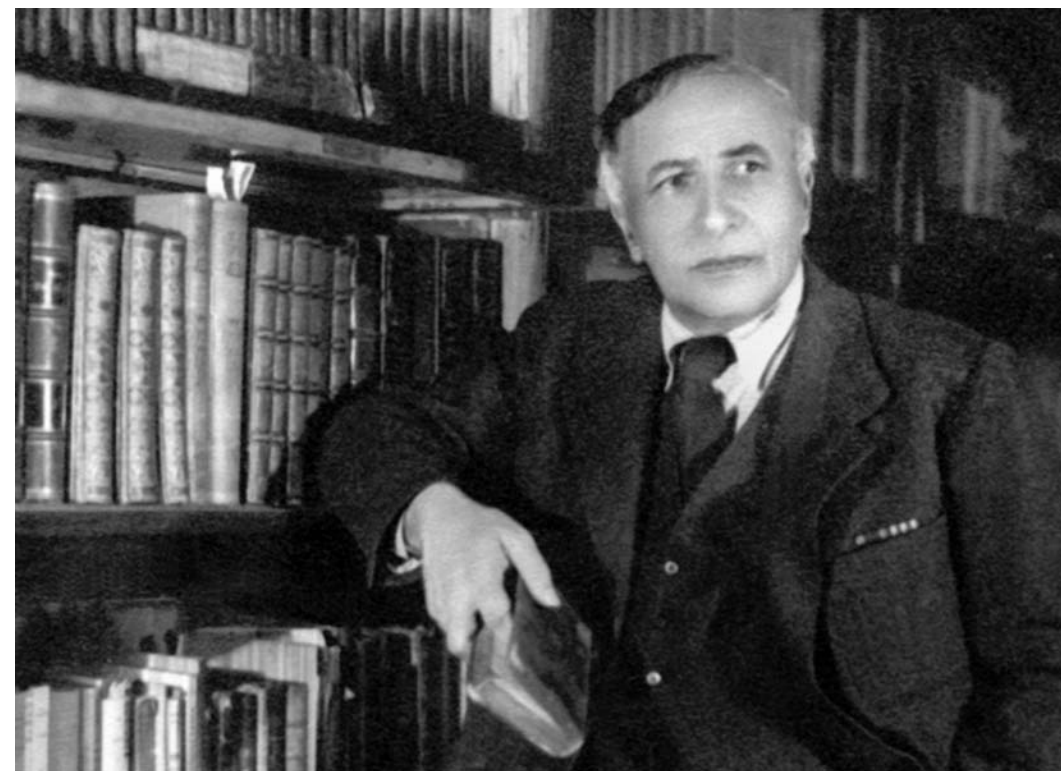
вечера на сцену поднимались последние свидетели его триумфа: актрисы Майя Ивашкевич, Людмила Лысова, Нина Корнеева, Тамара Тихомирова, Анна Глазова, Кима Чупахина, Антонина Зиновьева, Татьяна Бартенева, Нина Васильева, Кира Жаркова, актеры Виктор Горюнов, Виктор Гусев, Николай Прокопович, а также гример А. Коонен Сарра Альпер. Были живы, хотя и не присутствовали на вечере Нина Чернышевская, Зинаида Мирошниченко, Лидия Смирнова, Нинель Канашенок, Нина Кухта, Юрий Орынянский, Людмила Чайкина, Татьяна Михайлова, Мира Пистоляка, Людмила Иванова, Светлана Савицкая (Бернар).

Прошло пять лет... Снова на сцене Дома актера был вечер. Но сегодня из «камерников» остались лишь Майя Ивашкевич, Анна Глазова, Антонина Зиновьева, Нина Кухта, Людмила Лысова, Тамара Тихомирова, Кима Чупахина, Виктор Горюнов, Виктор Гусев, Сарра Альпер, Галина Демиденко, Владимир Гансон.

Цель данной публикации – не говорить о Камерном театре «вообще», но коснуться последних 5–6 лет его 35-летней жизни, коснуться жизни Студий театра и судеб последних, самых молодых актеров Камерного, которых коллектив воспитывал для себя.

Студия при Камерном театре существовала еще до войны. Это была школа по выпуску синтетических артистов, умеющих петь, танцевать, фехтовать, прекрасно говорить, а значит – работать в любом театре. Августа Миклашевская, Евгений Лебедев, Зоя Смирнова-Немирович, Юрий Киселев, Наталья Горина, Владимир Торстенсен, Лидия Смирнова, Лев Иванов, Владимир Шишкин, Наталья Ефрон, Игорь Смысловский, Иван Александров, Мария Фониная – вот далеко не полный перечень тех, кто стал впоследствии знаменитыми артистами.

В 1942 году Камерный театр, эвакуированный в Барнаул, набрал новую Студию. Примерно в это же время для пополнения театров Москвы

«молодыми кадрами» решением советского правительства были созданы театральные студии и при других известных коллективах: Школа-студия – при МХАТе, Студии при Театре им. Ленинского комсомола и Театре им. Моссовета. В Камерном театре прослушивания абитуриентов и начало занятий проходили на Алтае. Когда же театр вернулся в столицу, к принятым пяти девушкам и трем юношам присоединились те, кто поступал в Студию в Москве.

Среди первых студийцев набора 1942/43 года были Ленгвард Беленький, Галина Васькова, Людмила Вальднер, Борис Вахрушев, Александра Голубовская, Юрий Данилов, Ирина Жалобинская, Валентин Иванов, Людмила Иванова, Инесса Канашевская, Геннадий Карякин, Елена Кисарова, Нина Корнеева, Всеволод Кухта, Людмила Лысова, Людмила Любимова, Евгений Моргунов, Борис Мухин, Анатолий Мягких, Ираида Нестеренко, Борис Павлов, Мира Пистоляка, Зоя Римшевич, Юрий Серов,

А. Таиров

А. Коонен

Нина Федорова... По-разному сложились их судьбы, как и у выпускников последующих курсов. Кто-то остался работать в Камерном, а после реорганизации вошел в труппу Театра им. А.С. Пушкина, кого-то приняли в другие московские театры, некоторые актеры уехали в провинцию, а кто-то и вовсе сменил профессию.

В военное и послевоенное время в Студии учились также Татьяна Бартенева, Зоя Белова, Нина Васильева, Анна Глазова, Кира Жаркова, Галина Жирова, Антонина Зиновьева, Майя Ивашкевич, Нинель Канашенок, Марина Кузнецова, Кима Чупахина, Юрий Волков, Виктор Горюнов, Виктор Гусев, Кир Евлампиев, Вадим Медведев, Дмитрий Павловский, Николай Прокопович, Юрий Самохин...

Номинальным руководителем Студии считался А.Я. Таиров. Но реальным директором был режиссер Камерного театра Леонид Львович Лукьянов. Именно на его плечи легла вся тяжесть организации учебного процесса. Ему помогали две строгие курящие дамы: Лидия Александровна Делье, секретарь дирекции студии и жена артиста театра Николая Федоровича Голенкова (до Камерного он работал в Театре Революции и Реалистическом), и Любовь Алексеевна Назаревская, заведующая учебной частью. Про нее говорили, что она внебрачная дочь А.М. Горького. Студийцы шутили: если к ее фотографии приставить усы, будет вылитый Буревестник.

Среди тех, кто преподавал в Студии, оказались артисты театра Николай Николаевич Чаплыгин, Виктор Никонович Ганшин, Михаил Ефимович Лишин, Елена Андреевна Лапина. Наталья Михайловна Горина преподавала художественное слово, Николай Михайлович Новлянский вел уроки грима, в Камерном этому придавалось особое значение. Режиссеры Вячеслав Валерьянович Васильев и Нина Станиславовна Сухоцкая преподавали актерское мастерство и ставили дипломные спектакли. Легендарный Александр Сергеевич Поль читал студийцам русскую литературу. Остальные дисциплины вели Анна Гавриловна Бовшек (техника речи), Сергей Сергеевич Игнатов (зарубежная литература), Григорий Широков (сценическое движение и фехтование), Елена Яковлевна Таирова (музыкальное воспитание), писатель Сигизмунд Доминикович Кржижановский (зарубежная литература), солист балета Большого театра Борис Александрович Чижов и артист Москонцерта Борис Лысенко (танец).

Не миновала Студии и общая волна репрессий. Насколько мне известно, трое студентов были взяты по доносам. Попал в Воркутинский театр, уже выпустившись из Студии, Юрий Волков. Пройдя все тяготы лагерей, остался артистом. Работал сначала в Воркутинском театре, затем недолго в Измаиле, вернувшись в Москву, поступил в Литературно-драматический театр ВТО, а через несколько лет стал ведущим артистом Театра им. М.Н. Ермоловой. Судьбы двух других студийцев сложились драматичнее. Ни Леонид Видавский, которого забрали в декабре 1948 года, не дав доучиться полгода, ни Юрий Самохин, который был взят после второго курса, не сделали серьезной актерской карьеры. Видавский вернулся в 1955 году в город Александров, но до реабилитации нелегально жил в Москве. Затем поступил в ГИТИС на режиссерское отделение (курс А.А. Гончарова), а после окончания работал в минском Русском драматическом театре. Затем следы его затерялись. Юрий Самохин во время войны воевал во французском Сопротивлении. В 1946 году (ему было всего 22 года) был арестован. Оказался сначала в агитбригаде ГУЛАГа, затем стал артистом драматического, а потом кукольного театра в Воркуте.

Творческие династии «камерников» – особая страница в нашей театральной культуре и еще одна интересная тема. Тут можно назвать народную артистку РФ Ирину Мирошниченко, дочь студийки Зинаиды Мирошниченко; заслуженного деятеля искусств РФ, профессора Марину Хмельницкую, дочь актрисы Натальи Гориной и народного артиста РСФСР Юлия Хмельницкого; заслуженного деятеля искусств РФ Василия Немировича-Данченко, внука Вл.И. Немировича-Данченко, сына оперной примадонны, заслуженной артистки РСФСР Зои Смирновой-Немирович; заслуженного деятеля искусств РФ Андрея Торстенсена, сына артиста Владимира Торстенсена и гримера, заслуженного работника культуры РСФСР Марии Ершовой; заслуженную артистку РФ Наталью Крачковскую, дочь артистов Марии Фоной и Леонида Белогорцева; Анну Жарову, дочь народного артиста СССР Михаила Жарова; Наталью Кенигсон, дочь артистки Нины Чернышевской и

народного артиста СССР Владимира Кенигсона; заслуженную артистку Республики Коми Елену Самохину, дочь артиста Юрия Самохина; Алену Эйзен, дочь артистки Тамары Тихомировой; киевскую актрису Валентину Сову, дочь артистки Галины Жировой; Елену Сафонову, дочь народного артиста РСФСР Всеволода Сафонова. К этому списку можно отнести и Максима Леонидова, сына заслуженного артиста РСФСР Леонида Леонидова, учившегося в студии один год до ее закрытия; а также внука народной артистки БССР Нины Корнеевой Павла Конька, окончившего в 2010 году ВГИК.

Диплом об окончании Студии Камерного театра, увы, не стал для молодых артистов пропуском в счастливую жизнь при поступлении в другие театры. После закрытия театра почти везде братья в труппу артистов с образованием и эстетической «прививкой» Камерного театра боялись.

Людмила Вальднер, поступив в Студию, сразу же перешла в ГИТИС, по окончании института вернулась в Камерный, за год стала его ведущей актрисой. Потом были театры Калинина, Омска, десять лет в Грозном, звание заслуженной

артистки ЧИАССР и возвращение в Москву: сначала в Ногинский драматический театр, а затем в московский Областной театр драмы. Евгений Моргунов, которого зрители хорошо знают по кино, тоже начинал в студии Камерного театра, потом перевелся во ВГИК.

Со второго курса были отчислены Зоя Римшевич, Людмила Любимова, Борис Сорокин, Марк Голдовский и еще несколько студийцев, чьи имена сегодня мы уже не узнаем. Память доучившихся студийцев их не сохранила.

Готовясь сначала к первому вечеру памяти Камерного театра, а потом и ко второму, в честь его 95-летия, я по крупицам собирал сведения о выпускниках Студии в архивах РГАЛИ, личных архивах артистов, библиотеках. Мне присылали фотографии и воспоминания, звонили по телефону дети и родственники «камерников». Перед вами то небольшое, что удалось найти и сохранить: воспоминания, выдержки из дневников (печатаясь в современной орфографии). Мне кажется, справедливости ради, это должно стать известно всем.

Борис Вахрушев¹ (1922–1996)

заслуженный работник культуры РСФСР, выпускник 1946 года

Из дневниковых записей

1942 год

17 сентября

<...> При Камерном театре организуется студия. Не знаю, что и придумать. Ведь страшно, страшно, что все дорогое проходит мимо. Быть может, попробовать? Чем рискую?.. Постараюсь узнать подробнее и подумать. <...>

29 сентября

<...> В студии при Камерном театре начались приемные испытания. Завтра иду пробовать. Чертовски занятно. Вот именно – занятно, но где вы, бывшие волнения?..

14 октября

В списке принятых в студию при Камерном театре значится и моя фамилия. Как легко все получилось! Быть может потому, что мне было почти безразлично – примут меня или нет, лишь дело чести. Ведь за все, что бы я ни делал, я должен отвечать, прежде всего, перед своей совестью. «Сам» А.Я. Таиров отнесся ко мне благосклонно, и я – студийец в Камерном театре. Боже мой, вновь передо мной неизвестное, но занятное плавание. Так смело в путь! Чем я рискую?..

24 октября

Вновь меняется моя жизнь. В студии еще не начались занятия, а я уже занят в спектакле. Я получил роль, в настоящем, профессиональном театре. Первая роль! Как

Б. Вахрушев

¹ Вахрушев Борис Андреевич (10.08.1922–29.08.1996), актер, режиссер, заслуженный работник культуры РСФСР (1978). 1942/46 – Московский Камерный театр, 1946/57 – Алтайский краевой драматический театр (с 1953 – режиссер), 1957/61 – Рубцовский драматический театр (главный режиссер), 1961/87 – Барнаульская студия телевидения (режиссер).

писали о ней великие старики сцены, какое значительное событие в жизни того, кто нашел в театре свою цель!..

Конечно, роль, что называется, «без ниточки», но все-таки эти пятнадцать реплик чертовски волнуют. Ведь приходится репетировать с «настоящими» актерами, по строго установленному расписанию, слушать замечания «настоящего» режиссера. Как это ново и частенько страшновато! Репетиции – ежедневно утром и вечером: прихожу домой в полночь. <...>

26 октября

Ночью пришел с репетиции.

Все-таки великое дело – театр. Каждый раз я ухожу оттуда в каком-то приятном волнении, унося с собой чувство покоя и чистоты. Хорошо это – чувствовать себя частью сложной машины, вносить свою лепту в дело создания спектакля!.. Плохо ли, хорошо ли я делаю то, что мне доверили, – не знаю, но на площадке меня охватывает хорошее, здоровое волнение. Пока ко мне внимательны и снисходительны. «Что ж, пока все очень мило. Посмотрим еще, проверим, поможем», – сказал Александр Яковлевич обо мне после одной из репетиций.

25 ноября

Полетели дни – быстрые, незаметные.

Утром, к десяти ухожу в театр на занятия и возвращаюсь лишь за полночь. Лекции, репетиции, спектакли. Чертовски устаю: и все-таки, падая в постель, почти каждый раз вспоминаю, что день прошел не даром.

Занятия в Студии идут уже третью неделю. Со своим дьявольским характером приходится часто нервничать, отстаивая свое место в коллективе. Порой в душе закипает что-то близкое к отчаянию,

Здание Барнаульского театра, где Камерный театр набирал Студию

но иногда чувствую в себе силу великую, и тогда торжествует рассудок, просыпается вдохновенье. Да, хорошо это – чувствовать себя человеком!

Театр стал чем-то близким и необходимым. Получил две новых ролики и вчера уже срепетировал в «Небе Москвы», где, кстати, произошла ужасная ошибка: свою роковую фразу: «На нашем самолете 24 пробоины, товарищ лейтенант», – я выпалил раньше, нежели нужно, а потом по-идиотски повторил ее в конце картины. Помню, как градом катился с меня пот, когда я проходил мимо улыбающихся актеров.

Что поделаешь, Борис! Видно, не с тобой последним так зло шутит Мельпомена!

30 ноября

<...> Времени свободного почти нет. Спектакли уже не радуют: они порой мешают учебе. Началась учеба мастерству. Я попал в группу Н.С. Сухоцкой, женщины умной и знающей. Военные дела по-прежнему еще не устроены; не знаю, придется ли продолжать учебу.

3 декабря

<...> Готовится к постановке новая вещь: «Пока не остановится

сердце» Паустовского, где мы будем играть немцев-офицеров и солдат.

21 декабря, понедельник

Давно же я не писал!

Свободные часы так редки, что не успеваешь и выспаться. С утра – ухожу в театр и возвращаюсь лишь за полночь, после спектакля. Бреду один по пустынной дороге, слушаю, как скрипит снег под ногами. Мороз щиплет лицо: впереди редкие огоньки знакомой улицы с заснеженными крышами, а над головой множество холодных далеких звезд. <...>

1943 год

28 февраля

На днях играли премьеру «Раскинулось море широко» Вишневого. Барнаул неистовствует. Играю моряка-лейтенанта; несколько проходов. Но выгляжу, по крайней мере, неплохо: блестящие пуговицы и золотые нашивки на кителе. Дома лишь ночую. Весь день в театре. Часто устаешь так, что засыпаешь на ходу. И все-таки это жизнь!

17 марта

Все кружится в предпремьерной суматохе, через несколько дней – спектакль. Репетиции, репетиции...

20 июля

Приближаются годовые экзамены в студии. Учимся последнюю неделю. Тревоги и волнения, царящие вокруг, все еще не проснулись в моей душе. Я вспоминаю экзаменационную пору в институте и удивляюсь теперешнему безразличию. Где вы, бывлые волнения?.. Буду показываться в трех отрывках. Один из них, по крайней мере, понял, как раз тот, что взял в работу позднее

других: Кавалер из «Хозяйки гостиницы». Несмотря на огромные вымарки, есть, где развернуться. В.И. Новиков здорово помог в работе, и я, кажется, нащупал то, что он мне старался указать. Второй отрывок – Андрей Белугин. Материал чудный, но Андрей – оказывается, еще где-то в безвоздушном пространстве, скрепя сердце, но, как ни странно, этот пасынок почти на пути истинном.

2 августа

Август – золотой мой месяц.

<...> Экзамены кончаются, а я еще ничего хорошего не показал. Как обидно, как больно за свои неудачи! Завтра сдаю Белугина и Митю². Неужели я так и не сумею показать, на что способен? Надеюсь на Кавалера³, а получилось совсем не так, как ожидал, – серо и неинтересно. Бездарь, тупица!

18 августа

Учебный год в студии окончен. У меня сплошные четверки. Нелепо и смешно. После экзаменов беседовал Таиров. Все замерли с подобострастным и глупым выражением лиц.

Он доволен, он не ожидал такого сборища талантов: все переводятся на второй курс. Затем говорил о каждом, рассыпая комплименты. Я вспомнил его беседы с труппой и удивлялся его великодушью.

«У меня большие претензии», – начал он, обращаясь ко мне; и очень мило покрывал меня за все труды праведные. Но в тоже время его слова чем-то льстили мне, может быть, потому, что были искренними и непривычно суровыми в этой беседе. Участие в спектаклях отметил положительно.

«Лейтенант в "Море"⁴, – говорит, – очень приятен, но я призываю Вас к серьезной и вдумчивой работе. А работать Вам стоит».

² Герои пьес А.Н. Островского «Женитьба Белугина» и «Бедность не порок».

³ Герой пьесы К. Гольдони «Хозяйка гостиницы».

⁴ Герой пьесы В. Вишневого «Раскинулось море широко».

Pro memoria	ЛМ
<p>24 октября Скромный номер в одной из московских гостиниц. Чистые постели, несколько стульев, шкаф. Окна завешены шторами. Все незнакомо и странно неуютно. Я в Москве, снова в Москве!</p> <p>11 ноября <...> В театре начинаются репетиции. Получил новую работу: роль Лоренцо в «Дуэнье». Рапира, плащ и гитара. Я и Испания – кошмар! Но это, пожалуй, полезно для меня: много движения, танца, даже дуэль в стремительном темпе.</p> <p>29 ноября Маленькая комнатка в четыре шага. Окно, завешенное шторой, постель на диване, два кресла, стол. Тепло и уютно. Здесь, в актерской уборной, живу я уже несколько дней. В театре – никого: второй час ночи. Жизнь вновь изменилась, но я уже научился привыкать ко всякому существованию. Человек носит с собою жизнь, и где бы он ни остановился, – всюду расцветает она от его тепла и дыхания.</p> <p>11 декабря Завтра в театре открывается сезон, а сегодня, перед генеральной репетицией, театр загорелся. Поднялась паника и неразбериха. К счастью, сцена и зрительный зал не пострадали, но предзнаменование недоброе. <...> «Скупого» репетируем каждый день, долго и нудно. То, что играно десятки раз, вновь повторяю бесконечно. Но все бы было хорошо, если бы не [нрзб.] <...>. Мелкие жулики, темные люди окружают меня. Что плохо, что можно исчезнуть бесследно. Но я каждый день, каждый час чувствую заботу матери.</p> <p>1944 год 6 апреля, четверг <...> Студия переживает тревожные дни. Наконец-то решились почистить ее состав!.. Каждый из учащихся должен побывать в кабинете худрука, в этом царстве страха и неожиданностей, где будет решена его судьба. Я еще не был на этом страшном суде, но около десятка моих коллег уже сложили там свои головы. Что ж, прослушаем завтра, что скажут мне! <...></p> <p>7 апреля Был на приеме Л.Л.⁵ Довольно мило беседовали около часа, в течение которого я успел рассказать о своих театральномытарствах за последние годы, а он свое мнение и свои советы. «Вы, – говорит, – уже третий раз принимаетесь за “азы” искусства – такова воля судьбы. Но учиться, тем не менее, нужно, ибо систематического курса вы не прошли... Я советую вам честно и терпеливо выполнять все задания, даже самые примитивные, и не думать, что студия тащит вас назад. Чем больше повторите, тем прочнее усвоите»... О моих работах на показе почти ничего не сказал. «Больше всего вы понравились мне на сцене – в лейтенанте из “Раскинулось море”».</p> <p>8 апреля <...> Вечером «Раскинулось море широко». Снова «молодой и красивый» выхожу на сцену и чувствую себя где-то на другой планете. Этот зал, то притихший, то шумный от смеха, этот свет, бьющий в глаза, этот букет в руках – все необыкновенно захватывающе. Театр, театр!..</p> <p>13 апреля, четверг Проснулся в десятом часу. Знакомые грязно-серые своды,</p>	<p>⁵ Лукьянов Л.Л.</p>

Люди, годы, жизнь	ЛМ
<p>ощущение холода и сырости. Неуютно и тоскливо. За перегородкой слышна брань: очередная ссора уборщицы с моими сожителями. Это мой дом, мое пристанище... <...> Иду в театр на утренние занятия по танцу. Честно выполняю все упражнения, так что после урока обливаюсь потом. В полдень – обед в нашей столовой. Незатейливые блюда и не очень щедрые порции, но веселая беседа за столом скрашивает убожество обеда. После обеда – снова занятия: сценическое движение. Вечером играем в сотый раз «Раскинулось море широко». Юбиляров благодарил директор, а сам А.Я. Таиров поздравлял в антракте участников спектакля. Как бессменный исполнитель, я был удостоен «высочайшего поцелуя» самой Алисы Георгиевны. О, тщеславие! После спектакля мылся в душе. Сменив белье и поужинав на последние деньги, спал, как молодой бог.</p> <p>22 апреля, суббота Заставил себя встать рано и терпеливо перенес все нудные лекции учебного дня. Читал Горького на лекции по западному театру и тихо переговаривался с соседкой на технике актерской игры. Сейчас начался спектакль: впервые в Москве идет «Скупой». И снова – в дурацком облике мольеровского слуги, каким меня видел родной Барнаул. Но какая-то неудовлетворенность гнетет меня сегодня. Я жду чего-то от жизни, жду нетерпеливо, но жизнь не приносит ничего нового.</p> <p>17 июля Сдаю экзамены – пока успешно, но предчувствую бурю.</p> <p>Завтра – сцендвижение, а там – танец, речь и мастерство. Вот где разыграются страсти! <...></p> <p>26 июля Учебный год окончен. Экзамены не принесли мне удовлетворения, хотя результаты не так плохи: история театра – 5, музграмота – 4, ритмика – 5, гимнастика – 5, станок – 4, сцендвижение – 5, фехтование – 5, по основным предметам – технике речи, актерской игры и по мастерству – результаты еще не объявлены. Об этом будет говорить Л.Л. на беседе двадцать девятого.</p> <p>Читал своего Печорина: две главы из дневника, – сдержанно и скупое, продолжая «светскость» «Пиковой дамы»⁶. Как это выглядело, не знаю, но чувствовал себя неплохо. По актерской технике показывал два этюда – «Алеко» и «На телеграфе». Последний был просто хорош, но я не доволен, тем, что оставили только два этюда, хотя материала было мало.</p> <p>20 сентября <...> Я чувствую, что могу играть, чувствую силу и любовь свою к театру. Но как тягостно это звание недоноска, «неготового артиста». Дайте мне возможность, проверьте меня, и я докажу вам, что я не лишний человек на свете. И дело даже не в звании, дело в случае. Благословенный случай, представившись ли ты?</p> <p>21 сентября Днем в театре собралась вся труппа. Вишневский снова читал свою пьесу «У стен Ленинграда». Читал взволнованно, со слезой в голосе, перекраивая текст здесь же, на ходу. Помолчали, послушали, хлопотали и пошли получать завтраки. Пьесу решили ставить к октябрьским торжествам. Вечером играли «Скупого» в одном из клубов, в бывшем</p>	<p>⁶ Учебная работа Л.Л. Лукьянова.</p>

Pro memoria	Эм
<p>купеческом загородном ресторане «Яр». Все странно непривычно и даже интересно. <...></p> <p>29 сентября Сегодня репетировали «Нахимова»⁷ на сцене Большого театра по случаю предстоящего там торжества – двадцатипятилетия советского искусства. Большой театр! Сколько раз с благоговением смотрел я на стройные твои колонны, на четверку коней, что вздыбились над фасадом... И вдруг – я на сцене Большого театра. Какая громада! Какая непостижимая, торжественная атмосфера царит здесь, среди этих кулис и колонн, холстяных дворцов и деревьев. За кулисами – целый город. Сколько видели эти стены, эти лестницы и коридоры за столетнюю свою историю!</p> <p>1 октября, воскресенье <...> В общежитии нашем все еще продолжается ремонт, и царят беспорядок и неуют. Не спеша, я побрился, вымылся холодной водой, вскипятил чай и позавтракал. И так, начинается учеба в студии, снова – спешка, усталость, опоздания, утомительные ненужные лекции и экзерсисы. В двенадцатом часу пошел на спектакль, который еще предстоит играть и вечером. Все то же «Раскинулось море». Спектакль разболтался основательно и уже далеко не тот, что был год назад. После спектакля, прямо не раздеваясь, должен был идти наверх, на беседу Таирова с учащимися студии, вместе с новичками. В третий раз я слушал речь худрука перед началом учебного года. Те же прощания, те же призывы и обещания. После него говорил Лукьянов, гроза студии, и стопроцентный ее владетель с мексиканской бородкой: «Коллектив, семья, честь студии, храм...»</p> <p>Первокурсники слушают с восторженными, серьезными лицами: вот-де, оно начинается – искусство. Дай вам Бог, на большее время, чем мне, сохранить непосредственность и наивность.</p> <p>7 октября Вчера опять репетировали в Большом театре, и я остался на сцене, чтобы посмотреть все номера, готовящиеся к вечеру. Кого я только здесь не увидел! Знаменитости Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси собрались на этой сцене, и было странно видеть их всех вместе. <...></p> <p>4 декабря Свободного времени почти не имею. Занятия и репетиции заполняют весь день, а вечерами работа, сцена. Устаю чертовски. Юбилейные дни театра приближаются, и репетиции новых спектаклей идут без конца. Островский и Вишневский – «Без вины виноватые» и «У стен Ленинграда». Там буду играть лакея, здесь – матроса в серой массе. Как побороть мне эту неудовлетворенность, где взять силы терпеть? Разве могу я на что-либо рассчитывать, разве мои коллеги и однокурсники более удачливы и способны, разве мое положение в студии хуже других, разве в театре кто-нибудь унижает меня? Все естественно, Борис, все нормально. Это твое болезненное самолюбие и тщеславие – твои неизменные спутники. Нужно ждать и верить; время не перегонишь, годы не перескочишь.</p> <p>5 декабря Репетиции затянулись до полуночи. Таиров кричал: «Вахрушев, побыстрее, дитя мое, покажи резвость!» А я ходил во фраке с белоснежной манишкой и предлагал гостям бокалы. Унизительно, символ какой-то... Когда же придет</p>	<p>⁷ Премьера пьесы И. Луковского «Адмирал Нахимов» (реж. А. Таиров) состоялась в Камерном театре в 27 июля 1944 года.</p>

Люди, годы, жизнь	Эм
<p>желанное время, пора работы большой и достойной? Занятия по мастерству идут интересно. Ганшин увлекает, находит неожиданные, яркие задачи. <...></p> <p>25 декабря Театр празднует тридцатилетний юбилей. Все-таки немалое время, черт возьми! Сегодня юбилейный спектакль – «Без вины виноватые»⁸. Таиров, встретившись сегодня на лестнице, с улыбкой пожал мне руку. Все торжество, по существу, только для него с супругой, до сих пор горячо любимой и избалованной. Немало силы, очевидно, таит в себе этот старик, не просто и не легко приходит слава, ощущение власти хотя бы над маленьким миром: сильную волю и неглупую голову нужно иметь, чтобы добиться славы и покоя. Что ж, ты получил их по праву, и я могу только позавидовать тебе. Ты стар, тебе за шестьдесят, а мне ведь только двадцать третий. О, если б знать, что принесут мне годы и седины!</p> <p>1945 год 22 января Учебное полугодие кончилось. Я привык судить о своих успехах и неудачах по собственным ощущениям, оценки же для меня – лишь дело самолюбия. Зачеты наши вообще имели жалкий вид, и сдавал я их весьма небрежно. Но по мастерству работа была большой и интересной, и я не мог не волноваться, когда настали дни показов.</p> <p>Различие педагогов сказалось сразу же. «Гибель Надежды»⁹ прошла с подъемом и большим успехом. Здесь никого не «зажимали», – каждый играл, сколько мог, и сам отвечал за то, что делал.</p> <p>Тетерев¹⁰ не принес мне должного удовлетворения, хотя в</p> <p>работе я его искренне полюбил. Он научил меня мыслить, но не играть. А Босс¹¹ открывал такие возможности, что захватывало дух. Играть, играть! – вот что мне хочется. «Ну, и играй!» – говорил мне Босс. И я пытался играть... Не знаю, сколько поставят мне за эту работу, да мне и неважно. Я убедился еще раз, что могу быть актером. Это для меня главное. Завтра нас вызывает к себе худрук, этот таинственный бородач, к которому я испытываю непонятную неприязнь. Что-то скажет он мне?</p> <p>29 января В газетах, наконец, отмечено тридцатилетие театра. Несколько актеров получили звания и ордена. Таиров удостоен ордена Ленина, вполне солидный юбилей. В театре только об этом и разговоры. Все ждут юбилейного банкета, как божьего праздника.</p> <p>27 июля Итак, экзамены сданы. Второй курс окончен. Три роли играл я вчера на экзаменах: Ивана Плетня из «Псиши», Анджело и Бессудного из «Бойкого места». Три отрывка давали мне возможность показаться с разных сторон.</p> <p>1946 год 8 января Вчера в театре состоялся вечер по поводу вручения медалей «За доблестный труд» ряду работников Камерного театра. Собралась вся труппа, рабочие, студенты и многочисленные гости – какие-то девицы, военные из подшефной академии. В бельэтаже трубил военный оркестр, в фойе молодежь танцевала.</p> <p>Я знал, что в списке награжденных значилась и моя фамилия, и для торжества надел новый костюм. Вручение медалей продолжалось</p>	<p>⁸ Премьера пьесы А.Н. Островского «Без вины виноватые» (реж. А. Таиров и Л. Лукьянов) состоялась 25 декабря 1944 года.</p> <p>⁹ Дипломный спектакль «Гибель Надежды» Г. Гейерманса.</p> <p>¹⁰ Персонаж пьесы М. Горького «Мещане».</p> <p>¹¹ Л.Л. Лукьянов.</p>

долго, около часа; зрительный зал устал аплодировать каждому. Я волновался и нервничал, дожидаясь свою фамилию и торопливо, ни на кого не глядя, прошел на сцену. Я был чуть ли не самым молодым среди награжденных, и молодежь хлопала мне особенно усердно. На синем борту пиджака медаль выглядела весьма эффектно, когда взглянул на себя в зеркало. Непривычно видеть себя таким кавалером. Но все-таки приятно, черт возьми! В этом есть какая-то справедливость...

1 июля, ночь

<...> После экзамена выплыл какой-то показ: Александр Яковлевич перед отъездом на отдых изволил посмотреть все курсы сразу по всем «развлекательным» дисциплинам. Нечто вроде ансамбля песни и пляски. Наш курс блеснул своим кретинизмом: пели ужасно, танцевали еще хуже. А смотрел на нас весь свет театра: «сам», Л.Л., директор¹² и почему-то Всеволод Вишневский. Скверно стало после этого показа. Вся надежда – на спектакль, который «сам» будет смотреть шестого. <...>

11 июля

Время неудержимо. Оно отсчитывает день за днем, приближая меня к пугающему и желанному рубежу. Можно считать, что учебный год окончен. Вчера сдал историю искусств, и впереди осталось смутное время показов, в которых решится моя судьба.

Таиров уже видел наши спектакли. На «Ванюшиных», говорят, плакал от умиления и поздравлял нас с большой и достойной работой. «Гибель Надежды», как ни странно, понравилась ему не меньше. Встретив меня вчера

на улице, он по-отцовски обнял меня и назвал молодцом.

«Дети Ванюшина» показывали мы на большой сцене, и спектакль имел хороший резонанс в театре, особенно среди технических цехов, среди простых людей. Все вокруг заговорили о студии, лед безразличия сломался, и многие без удивления заметили, что «наши мальчишки» и вправду могут играть. На мой счет выпало немало комплиментов; да я и сам чувствовал, что порою Ванюшин был неплох.

Сегодня узнал, что экзаменационный показ «Детей Ванюшина» состоится 17-го на сцене, в костюмах и гримах. А «Гибель Надежды» пущена в «доработку» и будет показана лишь 23-го. Одним словом, до конца месяца отдыха не будет. Каждый день – репетиции, прогоны, примерки.

19 июля

Показ «Детей Ванюшина» состоялся. Это был замечательный день. Еще накануне были напечатаны прекрасные пригласительные билеты и разосланы по Москве: во все театры, редакции, родным и знакомым. С утра 17 июля на сцене шла монтировка, как перед настоящим спектаклем.

Студийцы после дипломного спектакля «Дачники», 1948

¹² Александр Зиновьевич Богатырев, директор Камерного театра

Спал я мало и тревожно и проснулся в девятом часу. Было чудесное утро...

4 августа

<...> Студия окончена, я стал актером. Кажется, все обстоит прекрасно, мечта сбылась, и теперь я могу вернуться в родные края и отдалиться работе. Не об этом ли мечтал я долгие годы?

Одну за другой я перерезаю нити, связывающие меня с Москвой. Назначение в Барнаульский театр получено, рекомендации написаны, заявление подано, приказ о моем увольнении подписан, билет куплен, вещи уложены... <...>

Нина Корнеева (1920–2007)

народная артистка Белорусской ССР, выпускница 1946 года

В 1943 году, после окончания института в Мичуринске, где я активно занималась в самодеятельности, я попала в Барнаул. Однажды корреспондент «Комсомольской правды» Василий Виноградов договорился с Таировым, чтобы тот «посмотрел одну девочку». А мне Виноградов сказал, что договорился с актерами Камерного театра, что они прослушают меня сегодня. «У вас же сегодня концерт?»

О театральном институте я и не мечтала, но того, что меня перед концертом поправят и дадут совет, я не боялась. Я предстала перед этими актерами и читала один очень серьезный рассказ под музыку. Хотя сильной моей стороной всегда был юмор. Потом один из актеров с очень странно зачесанными назад волосами сказал мне: «А теперь представьте себе, что вы идете на свидание. На вас очень хороший костюм, и вдруг сверху на

вас выливается краска. Костюм испорчен». Об этиюдах я что-то такое читала, но здесь удивилась: зачем это им? Говорю: «Да не получится у меня ничего». Но что-то все-таки изобразила. Потом одна из актрис говорит мне: «А теперь представьте, что вы очень солидная дама. Вы торопитесь на поезд. У вас много всяких вещей. Поезд вот-вот отойдет. И вдруг у вас все развязывается и падает на перрон». На это я говорю: «Солидная дама из меня, точно, не получится». «Ну, вы все-таки попробуйте». Я и это проделала. После тот, кто давал мне задание первым, просит: «Ангел, мой, подойдите сюда». Я подошла. «Ну, вот, мы вас посмотрели, можете приходить заниматься к нам в студию с завтрашнего дня». Я опешила. Среди экзаменаторов, как я узнала позже, были Александр Яковлевич Таиров и Алиса Георгиевна Коонен. Они-то и просили меня проделывать этиюды. Это было в марте, когда студийцы уже занимались.

В октябре Камерный театр вернулся в Москву, и я стала москвичкой.

17 марта 1943 года я пришла заниматься в студию. Мое предчувствие, что я все-таки стану актрисой, начинало сбываться. Но первое, с чем я сразу столкнулась, – меня невзлюбили однокурсники. Мне это было не столько тяжело, сколько странно. В первый же день одна студентка¹³, очень хорошенькая, капризно надула губки и презрительно сказала: «Не хватало еще, чтобы агрономы пошли в артисты». На это я только потеряла рукавом пиджака свой значок «Отличник сельского хозяйства» и пошла прочь. Другой студент¹⁴, постарше их всех, увидел у меня карандаш и сказал: «Он

Н. Корнеева

¹³ Очевидно, Мира Пистоляка.

¹⁴ Скорее всего, Борис Вахрушев. Он был самым старшим на курсе.

Pro memoria	Эм
<p>мне нравится», – и положил в свой карман. Я ответила: «Мне тоже», – и забрала карандаш обратно.</p> <p>Две студентки что-то обсуждали, хохотали и, расставаясь, поцеловались. А когда одна вышла, другая сразу же начала говорить о ней какие-то гадости. Я возмущилась: «Почему же вы с ней целовались?!»</p> <p>Я приходила на занятия и ни с кем не общалась, со мной тоже никто не заговаривал. Душу я отводила в крайкоме комсомола, он был через дорогу. Насмеявшись, наговорившись, шла в студию и оставалась там в одиночестве. Директор театра, очаровательный Александр Зиновьевич Богатырев, видимо, узнал про это, собрал всех, долго беседовал на разные темы, а в заключение сказал: «Если будете обижать новенькую, оторву голову и скажу, что так и было». Этим он не облегчил моего положения, а даже наоборот. И, по-моему, в отместку за все меня дружно избрали комсоргом.</p> <p>Обратила я внимание еще на одну студентку – Ирину Жалобинскую¹⁵. Мы как-то сразу с ней подружились. Она не смотрела на меня враждебно, часто подходила к пианино и распевалась перед концертом. У нее было меццо-сопрано. Она была очень красивая, про себя я несправедливо думала: «Воображала!» Когда у меня не было уже никаких сил молчать, я рассказала девочкам анекдот. Они засмеялись, и, по-моему, с этого момента «лед тронулся».</p> <p>В ближайший выходной я провела свое первое «мероприятие» как комсорг – обязала всех явиться на пикник в парк. И, к моему удивлению, все комсомольцы пришли, и мы провели день на</p> <p>диво! Отношения наши были налажены до конца учебы в студии. Очень скоро я узнала, что человек, который так странно зачесывался и который меня принимал, – знаменитый режиссер Александр Яковлевич Таиров, а женщина, попросившая меня проделать эту полную даму, – знаменитая актриса Алиса Георгиевна Коонен. Вот когда у меня задрожали колени, вот когда я испугалась!</p> <p>Училась я очень легко. После «Тракторов и автомобилей», после «Счетоводства» и «Растениеводства», что такое были для меня «История русского и западного театра» и «История искусств»? Просто чтение художественной литературы. Занималась я с восторгом и упоением!</p> <p>В спектакле «Раскинулось море широко» Вс. Вишневского мы выходили в массовке в первом и последнем акте. Спектакль был великолепный. Я на репетициях и спектаклях не уставала смотреть на прекрасных актеров, таких, как Юлий Хмельницкий, – как он танцевал, как виртуозно играл! Владимир Кенигсон¹⁶ и Петр Аржанов¹⁷ – неотразимый дуэт; Александра Николаевна Имберг¹⁸, педагог по художественному слову, – как же изящно и кокетливо она играла Кису. И, наконец, наш кумир – Жорж Яниковский, а комическая пара: Боцман – артист Анатолий Нахимов и Марья Астафьевна – Мария Фоница¹⁹.</p> <p>Шли в то время репетиции спектакля по пьесе К. Паустовского «Пока не остановится сердце». В роли героини – А.Г. Коонен. В конце пьесы героиня умирает. Я на репетициях замирала, когда мой учитель по мастерству, Михаил Ефимович Лишин²⁰, склонялся над</p>	<p>¹⁵ Однокурсница Н. Корнеевой, племянница артиста Камерного театра Г. Яниковского.</p> <p>¹⁶ Кенигсон Владимир Владимирович (1907–1986), народный артист СССР. В 1926 году закончил Студию Симферопольского театра. Работал в театрах Симферополя, Куйбышева, Днепропетровска. В 1940–1949 годах – в Камерном театре. С 1949-го и до конца жизни – в Малом театре.</p> <p>¹⁷ Пришел в Камерный театр, когда его объединили с Реалистическим, затем остался в Камерном, а после его закрытия стал артистом Московского Театра драмы (Театра им. Вл. Маяковского).</p> <p>¹⁸ Александра Николаевна Имберг, артистка театра, после закрытия Камерного театра – артистка Театра Сатиры.</p> <p>¹⁹ Мария Зотовна Фоница, выпускница довоенной студии Камерного театра, артистка театра, затем – Театра им. А.С. Пушкина.</p> <p>²⁰ Режиссер, педагог, в Камерном театре – с 1941 по 1949 год, после реорганизации театра и до 1955 года – артист Театра им. А.С. Пушкина.</p>

Люди, годы, жизнь	Эм
<div data-bbox="1393 220 1785 753" data-label="Image"> </div> <p>нею и говорил, что будет ходить по земле и рассказывать всем: «Что знал я тебя и любил тебя, актеру».</p> <p>Премьера состоялась уже в Москве, а в Москву мы двинулись в октябре 1943-го.</p> <p>И вот наступил день отъезда из Барнаула. Нас, студентов, было восемь человек – трое юношей и пять девушек. Ира Жалобинская была москвичкой, нас же четверых поместили жить в кассе театра, потом перевели в кабинет администратора. Вскоре нас вызвал к себе директор театра Богатырев и сказал, что жить мы будем в церкви, что рядом с театром, надо только привести все там в порядок. Отгородили декорацией угол нам и мальчишкам. Я была счастлива! В Москве у меня была постоянная прописка в общезжитии Камерного театра.</p> <p>В очень сырой церкви я сильно простыла и потеряла голос. Об этом узнал Леонид Львович. Он посмотрел, как мы живем, и поставил вопрос о переселении девушек в другое помещение, в противном случае, он отказывался руководить студией. И очень скоро</p> <p>в огромной мансарде, где проходили наши занятия, была отгорожена часть, поставлены четыре кровати и повешен желтый бархатный занавес. Вешал его сам Лукьянов.</p> <p>Мастерство актера вели у нас еще два педагога, одну группу – заслуженный артист РСФСР Виктор Никонович Ганшин²¹, другую – заслуженный артист РСФСР Михаил Ефимович Лишин. Я занималась у Лишина, но на третьем году обучения перешла к Ганшину. Произошло это так. Мы с Лишиным долго работали над сценой Липочки и Подхалюзин из пьесы А.Н. Островского «Свои люди – сочтемся». Сначала все очень смеялись, как у нас шла сцена. А когда мы уже довольно прилично потрудились, мы как-то все растеряли. Таиров осуществлял общее руководство студии, но обязательно приходил, когда показывали отрывки или сцены. И вот приходит А.Я., мы показываем нашу сцену, заканчиваем – и ни малейшей улыбки ни у кого. Таиров в волнении проводит ладонью по волосам и говорит Лишину: «Что вы сделали с Корнеевой? Где ее юмор? Вы засушили ее!». Дальше я уже не слушала, убежала за свою занавеску плакать. И вот тут, в самый разгар рыданий, вошел Таиров, подсел ко мне на кровать (стульев в нашей «гостиной» не было) и сказал: «Деточка, вашей вины тут нет, мои претензии – к педагогу». Тогда-то меня и передали Ганшину.</p> <p>Выпускалась я в двух спектаклях: «Дети Ванюшина» С. Найденова, я – Арина Ивановна, педагог Лишин; и «Гибель Надежды» Г. Гейерманса, я – Матильда, педагог Ганшин. Это было для меня очень полезно.</p> <p>Михаил Ефимович был академичен, очень скуп в средствах</p>	<p>М. Лишин</p> <p>²¹ Ганшин Виктор Никонович (1903–1959), актер, режиссер, педагог, заслуженный артист РСФСР (1944). 1925/50 – Московский Камерный театр, 1950/57 – Московский театр Драмы (Театр им. Вл. Маяковского).</p>

Pro memoria

В. Ганшин

П. Гайдебуров

выражения. Скрупулезная отделка мизансцен, внутренняя линия образа прочерчивались до мельчайших нюансов. Виктор Никонович давал полную свободу: играй, как чувствуешь, придумывай, что хочешь, но точно и незаметно вел нас туда, куда задумал. Как-то очень образно объяснял...

В 1946 году мы закончили студию.

Я играла в дипломном спектакле «Дети Ванюшина» Арину Ивановну, мать. После показа Павел Гайдебуров, указывая на меня, кричал за кулисами, что «родилась новая Блюменталь-Тамарина». Не скрою, это было очень приятно. Потом меня вызвал Таиров: «Мы предлагаем вам остаться в театре...». Если бы он не прибавил: «...хотя вы совсем не вписываетесь в труппу Камерного театра. Вы актриса бытовая, больше Малому театру подходите, но вы человек способный, и вам найдется у нас работа». Не скажи он тогда этих слов, и я бы согласилась. Не знаю, как бы сложилась тогда моя дальнейшая судьба. Театру оставалось жить три года.

Но я стала артисткой Московского Областного театра, потом – четыре года в Алма-Ате и вот уже почти полвека в гомельском Русском драматическом театре в Белоруссии.

Людмила Лысова (г.р. 1924)

заслуженная артистка Чеченской республики, выпускница 1946 года

Я приехала в Москву из маленького городка Хвалынска Саратовской области.

В войну к нам из Воронежа эвакуировали госпиталь, где была очень хорошая самодеятельность. Я стала «главной артисткой» всех госпитальных представлений. Руководил самодеятельностью главный хирург госпиталя по фамилии Орел. Вот этот самый Орел и принял решение отправить меня учиться в Москву «на артистку». Он считал, что «такой талант не должен погибнуть в это тяжелое время». И однажды меня направили сопровождать в Москву двух раненых. Хотя, на самом деле, это не я их сопровождала, а они меня доставили и сдали на руки моей

Люди, годы, жизнь

старшей сестре. Так я попала в Москву.

Первое, что я сказала ей: «Я приехала учиться на артистку». На дворе стоял октябрь, и все приемные экзамены уже кончились. Но, на мое счастье, по распоряжению государства были открыты четыре новые студии – при МХАТе, при Театре им. Ленинского комсомола, при Театре им. Моссовета и при Камерном.

Камерный театр располагался ближе всего к дому, где я оставилась, и я подала документы туда. Прошла два отборочных тура. После чего всех нас собрали на бельэтаже, чтобы объявить, кто прошел на третий тур. Все дрожали от страха. Я сидела и думала: «Меня направил учиться город, комсомол, госпиталь, в надежде, что я, как талантливая, должна стать артисткой. А вдруг меня не примут? Москвичи останутся здесь, а я должна буду уехать обратно? Нет, этого не может быть». И я загадала: если человек, который нас вызывает, назовет сейчас мою фамилию, то меня в театр примут, если вызовут не меня, значит, не примут. Входит человек: «Лысова». Я снимаю пальто и говорю: «Девочки, меня приняли!».

Никогда не забуду: мраморное фойе, яркий свет, начищенный паркет, зеркала на стенах, огромный стол, покрытый пурпурной скатертью, а за ним – Александр Зиновьевич Богатырев, Александр Яковлевич Таиров, Алиса Коонен, Николай Чаплыгин, Георгий Яниковский, Августа Миклашевская и вся труппа. Моя непосредственность и «первозданность» позволили мне без всякого нажима ответить на вопросы. Меня спросили, есть ли у меня жилье в Москве, я

ответила, что есть, но меня там не прописывают. Богатырев обещал это уладить. И я ушла.

Я так была поражена приемом, культурой и доброжелательностью приемной комиссии, что мне захотелось учиться только здесь. Когда я уже училась, эти отношения доброжелательности и внимания по отношению к нам сохранялись все время. К нам относились бережно, с любовью и заботой. Никакой зависти и ревности к молодежи, наоборот. На меня это произвело колоссальное впечатление.

Мы еще не начали учиться, а Таиров уже занял нас в массовке спектакля «Пока не остановится сердце» К. Паустовского, мы играли партизан. На втором курсе в учебном порядке меня назначили на единственную молодую женскую роль в спектакль «У стен Ленинграда». На занятиях Николай Новлянский²², который вел грим, всегда рассказывал интересные истории – о том, как Камерный театр гастролировал в Париже и Рио-де-Жанейро. Рассказывал о парижских злых местах. С Натальей Гориной, которая вела у нас речь, мы подготовили монолог Жанны д'Арк из «Орлеанской девы». Она меня повела куда-то в подвал, где стояли огромные ящики, и реквизиторы подобрали мне меч, причем, в театре весь реквизит был подлинным. Во время работы Наталья Михайловна точно объясняла, что от меня требуется, мне было с ней очень легко. Все по задаче, ничего «с голоса». Я вспоминаю об этой студийной работе радостно.

Помню один довольно смешной случай. Однажды в перерыве какого-то спектакля, мы все болтались за кулисами, а Алиса Георгиевна

Л. Лысова

²²Новлянский Николай Михайлович (1891–1966), актер, педагог, заслуженный артист РСФСР. 1924–1939, 1944–1950 – в Камерном театре, с 1950-го – в Московском драматическом театре им. А.С. Пушкина.

Pro memoria

Л. Лукьянов

Н. Новлянский

проходила мимо. Моя сокурсница Мира Пистоляка в это время крутилась перед зеркалом. Коонен, оставившись, вдруг сказала: «Милочка, вам нужен другой бьютигальтер, чтобы не выделялась так сильно грудь». На что Мирка тут же парировала: «Алиса Георгиевна, а это ваш!». Вообще-то Мирка была очень пикантной, со вздернутым носиком, что-то в ней было такое «иностранное».

А меня однажды Леонид Львович Лукьянов спрашивает:

– Люся, ты смотрела во МХАТе «Три сестры»?

Говорю – нет.

– Сходи, посмотри!

Пошла, прихожу, он меня снова спрашивает:

– Ну как, посмотрела?

– Посмотрела.

– Ну и что?

– Ну, что-то, Леонид Львович? Нют: «В Москву, в Москву!» А чего нить-то? Сели бы в поезд и поехали.

– Ну ладно, посмотри через годик еще раз!

Так и не стал меня разубеждать, а я каждый год ходила во МХАТ

смотреть «Три сестры», пока не поняла.

Из учебных работ помню, как мы, Доля Беленький, Боря Вахрушев и я, играли сцену из «Анджело, тирана Падуанского» В. Гюго, потом был целый акт из «Мещан» М. Горького. Михаил Ефимович Лишин хотел, чтобы я играла Полю, но я хотела Елену. Когда мы почитали за столом, то я попросила Полю, решив, что до Елены еще не доросла, ни внутренне, ни внешне. Была очень запоминающаяся для нас всех работа, где у каждого, Нины Корнеевой, Бори Вахрушева, Миры Пистоляки, Иры Жалобинской, Севы Кухты, Доли Беленького, Бори Павлова, были серьезные роли.

На нашем курсе педагоги над нами тряслись. Все было подчинено тому, чтобы мы только занимались делом и только репетировали и играли. Когда мы заканчивали Студию, мой однокурсник Юрочка Серов говорил: «Девочки, девочки! Вы с розовыми очками. Как же вы будете жить? Жизнь гораздо сложнее, а вы такие не

Люди, годы, жизнь

приспособленные. Что с вами будет, когда вы уйдете из студии?» Так случилось, что Юрочка умер первым с нашего курса, едва дожив до тридцати.

После окончания студии в театре осталась только Люся Иванова, а я поехала в провинцию: Ульяновск, Калинин, Театр группы советских войск в Австрии, Якутск, Грозный. Пути студийцев разбежались в разные стороны, и лишь сегодня по крупицам мы узнаем что-то друг о друге. Первая наша большая встреча состоялась в Доме актера, где мы собрались на празднование 90-летия со дня открытия Камерного театра.

Нина Кухта (Федорова) (г.р. 1922)
выпускница 1946 года

С Камерным театром я познакомилась в Барнауле, где жила, как и театр, в эвакуации. Уж не помню, откуда прибыл в Барнаул Камерный, кажется, из Новосибирска. Сразу после объявления о наборе в студию я держала экзамен и была принята. Когда театр вернулся в Москву, я поехала с ними и продолжила учиться в студии. Из Барнаула нас приехало около десяти человек. Я попала в группу, которую вел Виктор Никонович Ганшин. Помню секретаря студии, которую мы все боялись, но любили. Из нашей группы отчетливо помню лишь Юру Серова, Люсю Лысову, Нину Корнееву и Ленгарда Беленького. Ленгард был до такой степени эрудирован, что мы всегда слушали его, открыв рот.

В Студии я познакомилась с Всеволодом Кухтой, вскоре мы поженились. Он Студию так и не закончил, но всю жизнь работал в различных театрах как режиссер и театральный художник.

Работал с известными актерами и режиссерами. В нашей квартире было множество весьма примечательных фотографий. Всеволод блестяще знал музыку, и не только классическую. Еще одна важная деталь его биографии – он стоял у истоков белорусского телевидения, был его главным режиссером и долгие годы жил в Минске. В 1946 году, когда Студия осталась позади, я несколько лет работала актрисой Московского Областного театра, с которым объехала все Подмосковье. Из сыгранного память сохранила, пожалуй, лишь роль Верочки в спектакле «Последние» М. Горького

Потом, по требованию своего отца, я оставила «баловство» под названием театр, поступила в Институт легкой промышленности и после его окончания работала в Министерстве легкой промышленности.

Мира Пистоляка-Девониская (1918–2009)
выпускница 1946 года

Из писем М.Е. Пистоляка – В.Ю. Девонисскому²³.

1944 год

22 апреля

Дорогой Виктор!

У меня большие радости: я получила вчера две роли. Правда, они маленькие, но интересные. Это – в «Дуэнье» – шаловливая испанка-служанка, а вторая – актриса в «Адриенне Лекуврер». Вчера меня поздравляли мои товарищи, но по-разному. Э, да что с них взять! Я чувствую одно – намечается серьезная работа. Между прочим, на роли актрис мне везет: в «Сердце»²⁴

Н. Кухта

²³ Виктор Девониский – муж М. Пистоляки.

²⁴ Пьеса «Пока не остановится сердце».

Pro memoria

Эм

Паустовского я тоже играю эпизодическую роль актрисы, только русской, а сейчас – французской. Кроме того, мне придется стать игривою испанкой. Очень хорошо, что я буду работать в комическом жанре, для меня это совершенно необходимо, т.к. освободит от пут трагедии, которая связала меня по рукам и ногам.

Я тебе уже писала, что у нас были зачеты, после которых 8 человек отчислили из студии. После зачетов с каждым в отдельности разговаривал наш худ. руководитель студии Лукьянов, заместитель Таирова. Мне он сказал, что необходимо стать проще, прочней ходить по земле, веселей смотреть на жизнь, для работы брать самые простые вещи, а индивидуальность моя сейчас мешает делать все эти простые вещи, от нее нужно отойти, а позднее, гораздо позднее ею можно будет воспользоваться.

По поводу кино я согласна с тобой. Я считаю, что время мое еще не подошло, нужно серьезно учиться. Наша студия становится перwokлассной школой театральной выучки, нам завидует театральная молодежь, т.к. у нас очень богатая практика на сцене. А знаешь, какое славное стечение обстоятельств: вчера был ровно год, как я пришла в студию и вчера же получила эти две роли. Хорошо вышло! <...>

М.Е. Пистоляка –
В.Ю. Девонисскому
19 июня

<...> Скоро зачеты. На этот раз мои работы будут отличаться не прежним углубленным психологизмом, а ярко выраженной эмоциональностью, подчас беззаботной. Это мне нужно в Елене – «Мещане» Горького. Кроме того, Лишин отдельно занимается со мной Джульеттой. <...>

Я стала лучше танцевать. Занимаюсь вокалом. К сожалению, очень редко бываю в других театрах. Скоро у нас 30-летний юбилей Камерного театра. С волнением жду его. Безусловно, у театра появятся крупные перспективы. Со мной несколько коммунистов театра говорили о моем вступлении в партию. Я смущаюсь очень глупо, и боюсь, чтобы Лукьянов не принял это за карьеризм.

7 ноября я дежурила по театру, а 8 ноября мы всей студией очень хорошо встретили праздник. <...>

М.Е. Пистоляка –
В.Ю. Девонисскому
1945 год

18 марта

<...> Сейчас очень трудная работа. Она меня издергала, я нервничаю, бывает огромная пустота и неудовлетворенность, хотя педагог и уверяет, что у меня очень интересный и трепетный рисунок роли.

Я делаю монолог Аннушки Островского из пьесы «На бойком месте». Ты хорошо знаешь, что ревность мне чужда, я ее не знаю. А здесь мне ее нужно понять, проявиться и убедить в ее силе.

Как это невыносимо...

Вызываешь в себе все женское, фантазируешь, терзаешь себя до настоящих рыданий и только с помощью оскорбительной гордости и большого внутреннего достоинства приходишь к результатам приблизительной верности. А кроме того, не хватает плавности, ясной спокойности русских женщин, которые не оставляют даже в горе. <...>

<...> Ты знаешь, Виктор, у меня ведь очень тяжелый и длинный рабочий день: с девяти утра до 12 ночи. Приезжаю к часу. <...>

М. Пистоляка

Люди, годы, жизнь

Эм

М.Е. Пистоляка –
В.Ю. Девонисскому
г. Москва – г. Барнаул
8 октября

<...> Учеба забирает все время. Но она меня опять захватила с головой. Вчера впервые занимались вокалом. На каждого дают 20 минут. То есть это небывалая роскошь. Я тебе давно писала, как мне хочется петь. Ну, так вот теперь буду петь.

М.Е. Пистоляка –
В.Ю. Девонисскому
г. Москва – г. Барнаул
17 апреля

<...> Недавно слушала чтение заслуженного деятеля искусств Сурена Кочаряна. Он читал «Шах-разаду» в собственной литературной композиции... Боже, как это хорошо! Вот бы позаниматься, поучиться. Какой голос, обаятельность, вкус, бездна его. Меня трогает предупредительность и вера в меня моего учителя Лишина. Посмотрел бы ты, как он со мной занимается! Наши девочки злятся, не любят меня и открыто говорят: «Михаил Ефимович занимается с Мирой так, как будто это Коонен! И материал выбирает только в ее интересах, и обращается чересчур почтительно, даже никогда не кричит!» Вот тебе голос «масс». Ну, плевать, принять, как комплимент. <...>

М.Е. Пистоляка – матери²⁵
1946 год (без даты)

Дорогая мамочка! Пишу тебе в театре. Сегодня последний спектакль в этом сезоне. Мамочка, я наконец могу порадовать тебя: я кончила студию и приглашена на работу в наш театр. Теперь ты уже не будешь меня спрашивать: сколько же мне еще осталось учиться. Кончила, КОНЧИЛА! Вот и конец!

М.Е. Пистоляка –
В.Ю. Девонисскому
1947 год (без даты)
г. Москва – г. Барнаул

<...> С 10 у меня зачеты. Я тебе, кажется, писала, что наша студия показывалась в ВТО. Ну, так вот. Показ прошел благополучно. Я играла Елену из «Мещан» Горького. Кажется, благополучно сошло. Лишин сказал, что было очень тактично, деликатно, ничего лишнего, словом очень хороший тон. Видел меня Завадский. Очень хорошо улыбнулся и поздоровался. Занимаюсь я с увлечением. Была конференция по поводу студий в комитете по делам искусств. Постановили, что срок обучения – 3 года. Сейчас я на 2-м. Еще третий. <...>

Г.В. Петровский²⁶ –
М.Е. Пистоляка
1948 год

15 июля,

г. Киев – г. Москва

<...> Это при таком финансовом жестоком режиме, когда каждую копейку экономят. Совершенно неизвестно, зачем брали Сухоцкую в поездку – она здесь ничего не делает <...>

Г.В. Петровский – М.Е. Пистоляка
14 августа,
г. Киев – г. Москва

<...> Пока идет все благополучно, но если это можно сказать о гастроллях, то вот о положении внутри театра и о настроении коллектива этого сказать никак нельзя. Дело в том, что Алиса в Таллине²⁷ не прошла и слабо проходит здесь. Она страшно постарела, зрители на это обращают внимание, и ее спектакли принимаются прохладно. От этого папа и она рвут и мечут, не задумываются о дальнейших

²⁵ Вера Трофимовна Пистоляка.

²⁶ Георгий (Жорж) Владимирович Петровский – артист Камерного театра, с которым М. Пистоляка дружила всю жизнь.

²⁷ В Киеве гастролли Камерного театра проходили сразу на двух сценах – в Театре оперы и балета им. Т.Г. Шевченко и Театре драмы им. Ив. Франко. В гастрольный репертуар Риги и Киева входили «Лев на площади» И. Эренбурга, «Раскинулось море широко» Вс. Вишневского, «Константин Заслонов» А. Мовзона, «Старик» М. Горького, «Он пришел» Д. Пристли, «Даманевидимка» П. Кальдерона, а так же спектакли с участием А. Коонен: «Адриенна Лекувер» Э. Скриба, «Мадам Бовари» Г. Флобера, «Без вины виноватые» А.Н. Островского. Во время гастролей состоялась премьера спектакля «Жизнь в цитадели» А. Якобсона, где А. Коонен сыграла Эву Миллас.

Pro memoria

Эм

перспективах театра, а подумать следовало бы и очень. Ведь у нас, по существу, ничего нового нет, чем бы мы могли открыть сезон. С нашим нынешним репертуаром делают в вечер в 2–3 тыс. сбору, перспектива, мало сказать, не завидная, но катастрофическая, а московский зритель наш театр не любит, и, насколько все это понимает коллектив, настолько Таиров не желает с этим считаться и отмечает от себя все, что не имеет непосредственно отношения к Алисе.

Если бы ты была здесь и почувствовала атмосферу в коллективе, ты бы ужаснулась. поголовно у всех, начиная от молодежи и до маститых, настроение ликвидаторское и безнадежное. Банкротство руководства было ясно еще в Москве, но особенно оно выявилось в поездке и в перспективной подготовке к открытию осеннего сезона. Все это я, конечно, описываю в общих чертах, а подробности расскажу уже лично <...>.

Нина Васильева (1919–2007)

выпускница 1947 года

Первым спектаклем, который я увидела в Камерном театре, была «Адриенна Лекуврер». Мне очень нравился этот театр, хотя нравился и Театр Мейерхольда. МХАТ – это вообще был Бог, а Камерный – что-то такое особенное.

Перед тем, как подать документы в студию, я пошла в церковь, помолилась. Когда пришла в театр, директор студии Лукьянов спрашивает: «Что у вас?». «Хочу подать заявление». Он: «Что будете читать?» Говорю: «Конечно, Катерину из “Грозы”». «Читайте». Прочла. Надо басню... Потом этюды...

В общем, меня приняли, а перед этим Лукьянов сказал секретарю: «Возьмите ее, а то она в воду бросится». Когда я уже училась в студии, он признался: «Катерину ты читала плохо. А вот басню – молодец!».

Однажды Александр Яковлевич решил омолодить состав исполнителей в «Даме-невидимке»²⁸ и дал мне играть Изабель. И вот ночной прогон, и мы, молодые артистки театра Маечка Ивашкевич, Людвиг Вальднер и я, начинаем играть в этом спектакле. Это было, как я теперь понимаю, уже тяжелое время для театра. В спектакле «Мадам Бовари» я водила Алису Георгиевну переодеваться, так как за кулисами было страшно темно, а в конце спектакля, пока ее переодевали для финальной картины, мы с Майей Ивашкевич выкрикивали «голосом» Коонен несколько реплик.

На выпускных в Студии я играла Раневскую в «Вишневом саде», Агафью Кубыркину в «Беде от нежного сердца» Сологуба и Дусю в «Старых друзьях». Правда, на втором курсе мы с Витей Горюновым сыграли и в дипломном спектакле 1946 года – в «Детях Ванюшина». Требования к нам были очень строгие, девочкам не разрешалось даже губы красить. Как-то после показа испанского танца из «Лебединого озера» подошел ко мне замечательный артист Юлий Хмельницкий и при всех сказал: «Поздравляю! Вы замечательно танцевали». Я опешила! Мне – и такой артист?! В моем дипломе, который я как-то стесняюсь показывать, по всем основным предметам у меня «хорошо» и «отлично» и только по марксизму-ленинизму – «посредственно».

После окончания Студии Таиров оставил меня в театре во

Г. Петровский

²⁸ Спектакль «Дамы-невидимки» П. Кальдерона в постановке В.Н. Ганшина вышел в 1945 году.

Н. Васильева

Люди, годы, жизнь

Эм

вспомогательном составе. Когда театр закрыли, я пришла в гастрольное бюро, где Папазян набирал артистов для своего «Отелло». Показалась, и вдруг он меня берет. И не на роль Бьянки или Эмилии, а на Дездемону... За те два года, что я была в труппе Папазяна, я сыграла еще и Корделию в «Короле Лире». А потом меня пригласили в подмосковный Ногинск, где я и проработала всю жизнь.

Валентина Сова²⁹

Моя мама

Галина Александровна Жирова (1928–2003), родилась в Хабаровске, в семье военнослужащего, генерал-майора инженерных войск Александра Ивановича Жирова. А мать ее была из семьи священнослужителя.

Мама моя часто вспоминала, что с детства мечтала стать актрисой. И, когда в город приезжали на гастроли разные театры, она со своей мамой старалась не пропустить ни одного спектакля. Детство ее прошло в военных городках, а юность – в эвакуации. После войны мама приехала в Москву и сразу же поступила в Студию при Камерном театре. Позже мама рассказывала, что новаторство в спектаклях Таирова, «необычность» исполнительской манеры Алисы Коонен ее, провинциальную девочку, немного удивляли. Это было так не похоже на то, что она видела в театре раньше. Но увлекательный учебный процесс, потрясающая атмосфера на занятиях по истории театра, которую читал знаменитый Г.Н. Бояджиев!..

Сам А.Я. производил, по словам мамы, на всех магическое впечатление: интеллигентный,

неторопливый. Как-то услышав вопрос мамы «Сколько времени?», даже остановился: «Деточка, нужно говорить, который час!». Это мама помнила всю жизнь.

Мама говорила, что Таиров относился к ней очень хорошо, хвалил в этюдах, отрывках, в дипломном спектакле. После окончания Студии, когда родители переехали на Украину (ее отца перевели служить в Житомир), А.Я. написал рекомендательное письмо к тогдашнему главному режиссеру киевского театра им. Леси Украинки Константину Павловичу Хохлову с просьбой взять на работу его способную ученицу. Мама всегда это помнила и говорила, что его никто не обязывал так поступать, но в сложное для себя самого время он остался внимателен к обычной студентке.

Но время было сложным не только для него, но и для тех, кто был с ним связан. Хохлов тогда, видимо, испугался, а может, на его решение повлияло что-то еще: маму в труппу знаменитого театра не приняли. Письмо пропало. Пришлось устроиться в Киевский Театр Советской Армии, где в это время работал актером Андрей Сова, известный в будущем эстрадный актер и народный артист Украины. С ним Галина Александровна связала свою творческую и семейную жизнь. Прожили они с моим папой вместе 46 лет. Вначале родился мой брат Александр. Несмотря на то, что в детстве и юности он играл на сцене Театра им. Л. Украинки, свою жизнь он связал с изучением иностранных языков и переводами. В настоящее время он работает референтом-переводчиком в МАГАТЭ (Вена). А я пошла по стопам родителей и стала актрисой.

²⁹ Сова Валентина (г.р.1960).

Работала в театрах Киева: 1981/91 – Молодой театр, 1991/97 – Экспериментальный театр, 1996– по н. вр. Театр «Колесо», с 2005 – Киевская детская академия искусств (мастерство актера).

Г. Жирова

Pro memoria

Эм

После нескольких лет работы в Театре Армии, мама все-таки стала артисткой знаменитого Театра им. Л. Украинки и проработала там до конца своих дней. Ее партнерами были Михаил Романов, Валерия Драга, Павел Луспекаев, Олег Борисов, Юрий Сергеевич Лавров, Виктор Халатов, Ада Роговцева и многие другие великолепные актеры.

Мама играла в спектаклях «Маскарад», «Дочь прокурора», «Годы странствий», «Месяц в деревне», «Дети солнца», «Иркутская история», «Требуется лжец», «В день свадьбы», «На всякого мудреца довольно простоты», «Горе от ума», «Хозяйка», «ОБЭЖ», «Самоубийца», «Храбрый портняжка», «Филумена Мартурано» и др. Всю свою жизнь помнила Студию и Камерный театр. И всю жизнь продолжала поддерживать отношения с теми, кто с ней учился. А с Майей Ивашкевич просто дружила.

Майя Ивашкевич (г.р. 1925)
выпускница 1947 года

Артисткой я хотела быть всегда, сколько себя помню. Осенью 1944 года поступила в студию театра, хотя чувствовала, что была совсем не подготовлена. Во время войны я оказалась в Куйбышеве, а когда вернулась в Москву, заочно окончила десятый класс и очень поздно получила аттестат. Все театральные училища к этому времени уже закончили прием. Оставалась лишь Студия Камерного театра. Мне там страшно понравилось, когда я пришла подавать документы. Студия меня поразила интеллигентностью во всех смыслах. Поразила чистота и аристократизм: жалюзи,

панели красного дерева. На четвертом этаже театра меня встретили дамы в галстучках – Лидия Александровна Делье и Любовь Алексеевна Назаревская, интеллигентнейшие женщины. Вели себя по отношению к нам очень строго. Просто как в институте благородных девиц. Следили, чтобы мы были прилично одеты, следили за нравственностью очень. Нам было запрещено не только курить, но и красить губы. Пришла я на первый тур, читала плохо, что-то банальное, что читали все, – «Первый бал Наташи Ростовской». Даже не знаю, почему меня приняли. Наверное, все-таки была смазливенькая.

Занятия студии были растянуты на весь день. Порой бывали огромные «окна» между лекциями, но для нас и это было небесполезно. Мы ходили на репетиции Таирова и дух театра старались как-то в себя впитать.

У нас были очень хорошие педагоги, те же, что и в Школе-студии МХАТ и ГИТИСе. Поль прекрасно читал историю западного театра, Кржижановский, муж А.Г. Бовшек, очень интересно читал русскую литературу. А вот актерское

Л. Назаревская

М. Ивашкевич –
Татьяна в спектакле
«Старик»

Люди, годы, жизнь

Эм

мастерство преподавали актеры Камерного театра, заслуженные, с опытом, но все-таки это выглядело немножко самодеятельно. Они не пользовались методом Станиславского. Употребляли какие-то свои термины, как могли, старались их объяснить, но все-таки это было как-то... по-домашнему. Не слишком серьезно и не очень глубоко. В меру своего таланта и понимания материала, они, конечно, приобщали нас к театру и учили, но системных знаний не давали. Это мое мнение.

Мы пришли, когда в Студии уже учился один набор, который приняла еще в войну, в Барнауле, – Нина Корнеева, Борис Вахрушев, Мира Пистоляка, Ирина Жалобинская... При мне набирали следующие курсы. Отношения между курсами были нормальные.

Таиров появлялся на занятиях редко. Смотрел выпускные экзамены, был на приемных. Лукьянов был личностью весьма интересной. В театре его все звали «Отец». По существу, всю черновую работу с актерами, «петелька-крючок», которую А.Я. или не любил делать, или не хотел, или ему было некогда, выполнял Лукьянов. Каждый день уроки он у нас не вел, но был в курсе всего. Иногда заменял других педагогов.

Буквально со второго курса нас начали занимать в спектаклях театра: массовые сцены, выхода, маленькие эпизодики. Первый раз я вышла на сцену в спектакле «Раскинулось море широко». Очень хорошо помню этот спектакль, где замечательно играли Ю. Хмельницкий, А. Имберг, В. Беленькая. Смешной был спектакль, музыкальный. Потом у меня был выход в «Адриенне Лекуврер». В «Мадам Бовари» мы

играли в сцене, которая называлась «Микарем»³⁰. Мы были в маскарадных костюмах и произносили свои реплики в сцене с Коонен. А в финале спектакля мне даже доверили кричать вместо нее, когда Бовари отравилась. У Коонен было шестнадцать переодеваний, и она не успевала. Она мне говорила: «Дитя мое, кричи, как при родах». А откуда я, сопливая девчонка, могла знать, как кричат при родах? Да и она тоже... Я от страха держалась за кулису и кричала тоже от страха. Наверное, это всех устраивало, раз меня не заменили.

Выходили мы и гостями в «Без вины виноватых», а девочки-старшекурсницы пели за сценой. «У стен Ленинграда» я сыграла даже со словами – полуголодную Нюшу, а в «Старике» – Татьяну. Потом меня ввели на Исабель в «Даму-невидимку». На третьем курсе меня срочным порядком вводили на роль Марго в спектакль «Лев на площади» вместо заболевшей Марии Подгурской. Я играла в паре с Яниковским, которому должна была дать пощечину. Марго была губернаторской дочкой, он к ней приставал, и она залепляла ему эту пощечину. Я очень стеснялась, а меня учили, как это делать. Мне дали текст и пригласили в кабинет А.Я. Играть надо было на следующий день. Я была так зажата и перепугана, что, кроме шикарного кабинета, где висели изумительные картины и стояли книги и старинные кресла в чехлах, ничего не запомнила. Что он мне говорил? Помню лишь обращения: «Ангел мой! Дитя мое!».

Выпускные спектакли игрались на большой сцене со зрителями. Все очень солидно. Вместо трех лет

³⁰ Это была сцена карнавала.

Pro memoria

ВМ

мы учились три с половиной, почти четыре. Так вышло.

Когда Камерный театр закрыли, я до 1960 года оставалась в Театре имени А.С. Пушкина. И вот уже пятьдесят лет служу в Театре имени Н.В. Гоголя.

Виктор Горюнов (г.р. 1924)

выпускник 1947 года

Об актерской профессии я подумывал давно. Эта мысль впервые возникла у меня в Свердловске, в эвакуации, когда я прочитал объявление о наборе в дополнительную группу при Театре музыкальной комедии. Я туда поступил, но отец прислал нам вызов, мы вернулись в Москву, и я снова поступил на Станко-инструментальный завод им. И. Сталина. Как раз в это время был издан указ о том, чтобы предприятия отпускали всех желающих учиться в высшие учебные заведения. Но директор завода сказал, что ни за что меня не отпустит, я был мастером цеха.

Но я все-таки отправился поступать во ВГИК на режиссерское отделение. Сдал экзамены, но после собеседования меня не приняли. Однако я на этом не успокоился, подал заявление в МГТУ (Московское городское театральное училище³¹) и, поскольку это было рядом, в Студию Камерного театра. Туда я попал уже на второй тур, но, как тогда говорили, в Студию в первую очередь берут «штаны», поэтому мне все-таки разрешили сдать экзамены. Я отпросился с работы, надел свой единственный костюм и пошел на экзамены. Читал басню, стихи, пел. Меня просили подождать, но, когда я сказал, что тороплюсь на работу, сразу предложили приходить на следующий тур. На

радостях я в этом самом костюме и отправился на завод. Вроде бы старался не испачкаться, но, увы, насажал в этот день множество пятен.

В МГТУ меня приняли, но впереди был еще Камерный театр.

Дело в том, что мой дед, Федор Моисеев, был рабочим сцены Малого театра, где прослужил до 1932 года, вплоть до смерти. Вся семья деда – моя мать, ее сестры и братья – жили при Малом театре и потом учились в театральных училищах Большого театра и Малого. Мой дядя, Михаил Моисеев, стал балетмейстером в одесском Оперном театре. Вот в такой я воспитывался среде. Бывал на генеральных репетициях в Большом театре, так как моя тетя, Ольга Моисеева, была характерной танцовщицей, да к тому же одно время парторгом Большого театра.

В общем, в Малом театре у меня был, что называется, блат, моя мама даже звонила артистке Рыжовой, чтобы та посодействовала моему поступлению в Камерный театр. На что Варвара Николаевна возмутилась: «Как это так? Внук нашего Федора Моисеева будет учиться где-то?! Нет, он должен учиться в Щепкинском училище. Я поговорю с Пашенной, и мы все устроим!». Но я не стал ждать и все-таки поступил в Студию Камерного театра.

Я попал на курс Михаила Ефимовича Лишина и Виктора Николаевича Ганшина. Таиров же приходил к нам на основные экзамены и дипломные спектакли.

Мне вспоминается один случай, может быть, и не очень характерный для нашего театра. Однажды мы пришли к девяти часам утра на станок. Прибежали в мансарду, в наш репетиционный зал, хотели войти, а Лидия

В. Горюнов

³¹ Училище при Театре Революции, находилось в помещении театра, готовило актеров драмы. Срок обучения 4 года.

Люди, годы, жизнь

ВМ

Александровна Делье нас не пускает: «Не входите! Туда нельзя». Мы собрались у двери, ждем, кто-то на ходу переодевается, чтобы успеть, станок был этажом выше. Наконец открывается дверь, и оттуда выходит немножко смущенный Лукьянов, а за ним молодая актриса и очень красивая женщина. Мы были в шоке, но сделали вид, что ничего не заметили. Наше отношение к нему осталось неколебимым.

В театре мы находились с раннего утра и до глубокой ночи, порой до окончания спектаклей. Занятия строились следующим образом: с утра – движение, станок, ритмика. Во второй половине дня, когда от репетиций освобождались актеры, наши мастера, мы занимались актерским мастерством. Театр даже старался нас подкармливать. Стипендий мы не получали, нас всех зачислили во вспомогательный состав театра. Давали талоны на еду. До сих пор помню микроскопические булочки с сыром, никогда не ел вкуснее.

Кроме мастерства у нас были занятия по гриму. Новлянский очень хорошо владел этим мастерством. У него было огромное количество фотографий сложного грима.

Годы ученичества развили во мне мои слабые порывы к пению и танцам. Оказавшись после закрытия Камерного в Театре Арзамаса-16, я сначала играл в драматических спектаклях, но вскоре театр стал музыкально-драматическим. Там мне и пригодились мои умения. В опереттах «Свадьба в Малиновке» и «Роз-Мари» я играл простаков.

Конечно, когда мы учились, всем хотелось участвовать в спектаклях. Мы завидовали

старшекурсникам, которые выходили на сцену, а некоторые даже со словами. Через шесть месяцев после нашего поступления театр вынужден был задействовать в спектаклях и нас. Мы изображали народ на улице, а вернее, за сценой в «Мадам Бовари». Это было в самом начале спектакля, после чего нас отпускали домой. «Адриенна Лекуврер» шла раза два в месяц, Алиса Георгиевна играла заглавную героиню по-разному. На спектакли почти всегда приезжал дипломатический бомонд – дамы в длинных платьях, мужчины во фраках, смокингах или костюмах. В этот день театр превращался в особый мир. Этот спектакль стремились увидеть все. Мы изображали в нем слуг. Были заняты и в спектаклях «Раскинулось море широко», «Адмирал Нахимов». Спектакль «У стен Ленинграда» должен был завершаться сценой драки советских солдат с немцами. Эти драки ставил Григорий Широков, преподаватель ВГИКа. Под его руководством мы учились падать так, чтобы не разбить голову. Репетировали сначала в замедленном темпе, а потом уже в быстром. Однажды Таиров решил показать Вс. Вишневскому эту сцену. Показ был на пятом этаже, в репетиционном зале. Вишневский до того расчувствовался и возбудился, что вместе с нами кричал: «Полундра!».

Окончание в следующем номере